

120 лет со дня рождения В.А. Хахлова

Венедикт Андреевич Хахлов
(11 (23) марта 1894 – 18 июня 1972)¹

Отец Венедикта Андреевича – Андрей Степанович (1845–1918), родом из казаков станицы Барнаул, окончил Омскую прогимназию со знанием киргиз-кайсацкого (казахского) языка и был определен на государственную службу чиновником-переводчиком в Туркестан. Некоторое время спустя он был вынужден уйти со службы и устроиться помощником одного из владельцев пароходства «Братья Каменские» на Волге, ведшего торговлю в Семиречье. А.С. – один из первых поселенцев Зайсана на китайской границе. С открытием Кендерликского месторождения угля организовал его добычу для местного населения.

А.С. внес значительный вклад в развитие земледелия, садоводство и пчеловодство края. Образцы меда с его пасеки экспонировались на международной выставке в Чикаго (1893). Он был одним из инициаторов организации пароходного

сообщения по верхнему Иртышу (1898). Проявил себя большим любителем и знатоком местной природы. В его доме останавливались многие путешественники. Среди знакомых А.С. известны Н.М. Пржевальский, Г.Н. Потанин, В.И. Роборовский, М.В. Певцов и др.

А.С. консультировал выдающегося немецкого зоолога и писателя-натуралиста А.Э. Брема и немецкого ученого О.Финша во время их поездки по Северо-Западному Туркестану и Западной Сибири (1876). Сотрудничал с П.П. Сушкиным, А.Н. Седельниковым и другими видными русскими учеными.

А.С. был действительным членом Западно-Сибирского отдела РГУ с 1883 года. Снабжал музеи Петербурга, Омска и Барнаула чучелами животных, обитавших в Семиречье. Экспонаты, изготовленные им, представлены в коллекции зоологического музея Томского университета.

А.С. привил своим детям (семи сыновьям и двум дочерям) любовь к природе и стремление познать ее. Два его сына, Венедикт и Виталий (1890–1983), стали профессорами ТГУ, а сын Леонид по окончании Московского университета был направлен в Германию, где увлекся микробиологией и иммунологией, позже работал в Пастеровском институте в Париже и умер во Франции (1957). Еще один сын – Геннадий – стал профессиональным художником.

В начале 1900-х годов старшие сыновья вместе с матерью, Еленой Владимировной, переехали в Томск для продолжения образования. С 1904 по 1912 годы Венедикт Андреевич учился в Томской губернской мужской гимназии, по окончании которой поступил на горный факультет ТТИ. Будучи гимназистом и студентом, в каникулярное время работал на Центральном, Беркульском и Кольчугинском рудниках, принимал участие в зоологических и палеонтологических экспедициях в районах Южного Алтая, хребтов Даура, Тарбагатай и Пограничной Джунгарии.

В июне 1916 года В.А. был мобилизован и после кратковременной учебы в Иркутском военном училище в декабре того же года направлен в Петроград, где сдал экзамены в инженерное военное училище. В мае 1917 года он был отправлен в действующую армию на Северный фронт, где служил командиром дорожно-мостовой роты в чине подпоручика инженерных войск.

¹ Печатается с незначительными сокращениями и стилистической правкой по изданию: Профессора Томского университета. Библиографический словарь. Т. 2. 1917–1945. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1998. – С. 451–458. Примечания принадлежат редакции журнала.

Андрей Степанович Хахлов

После демобилизации в феврале 1918 года В.А. вернулся в Томск и продолжил учебу в институте. Но в июле того же года он был призван служить в белую армию. Служил адъютантом в Сибирском инженерном дивизионе, расквартированном в Томске.

С восстановлением советской власти и проверки особым отделом 5-й армии в декабре 1919 года В.А. был откомандирован в ТТИ для продолжения учебы. В марте 1921 года он окончил горный факультет по геологоразведочной специальности со званием горного инженера и был оставлен при ТТИ преподавателем на кафедре палеонтологии и исторической геологии, которую возглавлял М.А. Усов. Дипломный проект «Об остатках девонских растений озера Балхаш» был написан под руководством М.А. Усова. Среди студентов, обучавшихся в то время у В.А., был будущий президент АН Казахской ССР К.И. Сатпаев (1899–1964).

В декабре 1923 года В.А. прочитал пробные лекции («Гондванская флора палеозоя Сибири» и «Род лепидодендронов») и получил право самостоятельного преподавания курса палеонтологии. По совместительству с 1921 года преподавал в Томском практическом институте (затем – политехникуме). С сентября 1924 года по рекомендации М.А. Усова и М.К. Коровина, высоко отзывавшихся о научно-педагогических и организаторских способностях В.А., последний был избран доцентом и заведующим кафедрой геологии Томского университета.

В 1920-х годах В.А. занимал должности члена президиума факультета, заместителя декана физико-математического факультета (1925–1928), председателя геолого-минералогической предметной комиссии, председателя комиссии по летней производственной практике (1926–1928), секретаря факультета (1927–1928), председателя производственной комиссии по геолого-географическому отделению (1930), и.о. заведующего геолого-географического отделения (1930).

27 декабря 1929 года В.А. утвержден в должности профессора по кафедре исторической геологии. Он один из организаторов СибГРИ, и.о. директора, с 1 июля 1930 по 5 января 1932 года – помощник директора по научной и учебной части института. С 1 апреля 1933 года В.А. – профессор по кафедре палеонтологии Горного института. По совместительству – заведующий кафедрой геологии на горном и маркшейдерском отделениях. С 1 января 1934 года – заведующий кафедрой исторической геологии и палеонтологии (с 21 января 1938 года – палеонтологии) ТГУ. Одновременно с 3 октября 1933 года – заведующий геологическим кабинетом. С 15 мая по 14 октября 1933 года и с 1 августа 1934 по 1939 год – декан геолого-почвенно-географического факультета. При его непосредственном участии на кафедре геологии были созданы вначале кабинеты, а затем самостоятельные кафедры (палеонтологии, исторической геологии, петрографии, общей и динамической геологии).

29 июня 1938 года ему была присуждена степень доктора геолого-минералогических наук без защиты диссертации.

20 апреля 1949 года В.А. подвергся аресту по «красноярскому делу»² геологов, обвинен в «подрыве государственной промышленности» и осужден по статье 58, пункт 7 на 10 лет^{**}. Срок отбывал в Норильском лагере сначала на общих работах (рытье котлована, расчистка подъездных путей от снега), затем в январе 1951 года был переведен на подконвойную работу в Геологическом управлении геотехником по углю в группу, занимавшуюся подсчетом запасов Кайерканского месторождения. Кроме того, В.А. занимался определением палеонтологических коллекций и основал палеонтологическую лабораторию. Им было составлено пособие по палеоботанике. По своей инициативе В.А. организовал постоянно действующие курсы для геологов полевых партий, где изучались палеоботаника и стратиграфия северо-запада Сибирской платформы.

Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР в связи с прекращением дела за недо-

² См. примечания в конце статьи.

В.А. Хахлов со студентами в Палеонтологическом музее ТГУ

казанностью состава преступления в 1954 году В.А. был освобожден. С 10 мая 1954 года восстановлен в должности профессора, а с 28 мая – в должности заведующего кафедрой палеонтологии, которой заведовал до 1 февраля 1972 года (после этого состоял профессором кафедры до кончины). Читал курсы: палеонтология, историческая геология, палеозоология, фито-палеонтология, общая геология, спецкурсы. Руководил дипломными работами и аспирантскими темами.

Его лекции, которые он читал ровным, спокойным голосом, были всегда чрезвычайно интересными, насыщенными сведениями о неисчерпаемом мире ископаемых растений, и держали аудиторию во внимании с первых до последних минут. В.А. обладал умением зажечь в сердцах своих учеников неугасимую искру любви к науке и жажду научных исследований. У него была редкая научная интуиция и способность собирать вокруг себя талантливую молодежь.

* * *

В.А. проявил себя как разносторонне образованный, крупный ученый в области палеонтологии и стратиграфии континентальных отложе-

ний, региональной геологии и геологии угля, много сделавший для геологии Сибири. За более чем 50 лет научной деятельности он детально изучил ископаемые флоры девонского, каменноугольного, пермского, юрского, мелового и третичного периодов на территории Сибири. Принимал участие в изучении геологии Иркутского, Кузнецкого, Минусинского, Балахтинского, Горловского, Чулымо-Енисейского, Канского, Норильского, Тунгусского и других угольных бассейнов Сибири, дал палеоботаническое обоснование их стратиграфии.

Как подающий надежды исследователь, Венедикт Андреевич обратил на себя внимание уже своей первой публикацией по палеоботанике (1921), посвященной верхнедевонской флоре с юго-западного побережья оз. Балхаш и подведшей итоги его студенческих экспедиций. Будучи научным сотрудником (в том числе и заместителем директора) Сибгеолкома, В.А. в начале 20-х годов принимал участие в геологических работах в районе Иркутского угленосного бассейна, где изучал флору юрского периода. Применив метод вариационной статистики, он установил верхнеюрский возраст отложений бассейна.

В 1920-х годах В.А. заметно расширил поле своей научной деятельности. В ТГУ им была проделана огромная работа по пересмотру и восстановлению латинских названий окаменелостей палеонтологических коллекций из палеонтологического отдела минералогического музея медицинского факультета. В итоге проведенных работ был создан самостоятельный палеонтологический музей (1925), который в настоящее время насчитывает вместе с микропалеонтологическими свыше 1 млн экспонатов и носит имя В.А. Хахлова.

В.А. – один из инициаторов открытия при Сибгеолкоме палеонтологического кабинета, ставшего вскоре научно-исследовательским палеонтологическим центром Западной Сибири, консультантом которого В.А. долгое время являлся.

В 1927 году в качестве консультанта по вопросам геологии В.А. Хахлов участвовал в разработке 15-летнего плана развития Томского округа. В это же время он интенсивно занимался изучением верхнепалеозойской флоры и стратиграфии угленосных отложений Кузбасса. Для этого, наряду со стратиграфотектоническим методом, он первым в СССР положил в основу стратиграфического расчленения отложений объективный палеонтологический критерий – смену флористических комплексов. Детальные и многолетние исследования пермокарбонных флор Сибири явились основой новой стратиграфической шкалы сначала Кузбасса, а затем и других угленосных бассейнов Сибири. Позднее она нашла полное подтверждение и признание. Кроме того, В.А. Хахловым были впервые установлены и расчленены отложения мелового периода на территории Западной Сибири (1931). По мнению В.А., его схема могла найти применение для выяснения структурных особенностей региона при поисках нефти, а ископаемая флора мелового и третичного периодов – способствовать нахождению месторождений бокситов на территории Салаира и Кузнецкого Алатау. Познания в этой области палеоботаники позволили В.А. открыть на территории Кузбасса Томь-Усинский угленосный район и свыше 30 месторождений угля (20 в южной части района и 18 – в центральной), в том числе, Ольджерасское, Сыркашевское, Сибергинское и др. В.А. Хахловым был составлен разрез угольной толщи юго-восточной части Кузбасса. Материалы по исследованию Кузбасса были обобщены в монографии «Проблема геотектонической жизни Кузбасса на основании стратиграфического анализа» (1948).

В 1931 году В.А. предположил возможность продолжения Кузнецкого каменноугольного бассейна далеко на север, а в 1933 году совместно с

геологом Р.С. Ильиным зафиксировал это продолжение на север от Анжеро-Судженского района до Иркутского тракта, причем заключил, что эта «новая угленосная площадь значительно расширяется к северу». Этот вывод позднее подтвердился поисковыми работами. Стратиграфическая схема, предложенная В.А. Хахловым, обсуждалась на выездной сессии АН СССР (1932) и на специально созванном для этого съезде по стратиграфии Кузбасса в Ленинграде (1934).

В 1936 году В.А. была дана промышленная оценка Балахтинского бурогоугольного бассейна в Красноярском крае. Он впервые установил наличие девонских континентальных отложений в Западной Сибири и Казахстане и первым изучил найденные в них девонские растения.

Исследуя с 1928 году третичную (неогеновую) флору Западной Сибири, В.А. впервые описал растения Антибесского месторождения, определил палеогеновый возраст рыхлой толщи окрестностей Томска и других площадей Западной Сибири.

В.А. впервые изучил уникальные девонские флоры Сибири, что позволило открыть первые страницы истории наземной флоры на территории Ангарского материка.

Целый ряд работ В.А. посвящен покрытосеменным растениям.

Вместе со своим учеником Л.М. Шороховым (1898–1944) В.А. открыл в Кузбассе юрские угленосные отложения, выделив их из состава «палеозойских толщ», и изучил юрскую флору.

В.А. был одним из организаторов 1-й Сибирской научной конференции по изучению и освоению производительных сил Сибири в Томске (1939). В 1941 году им был дан прогноз возможной угленосности Томского района. В годы Великой Отечественной войны под руководством В.А. Хахлова был обнаружен Заломнитский район с высококачественным углем. В этот период В.А. консультировал Западно-Сибирский геологоразведочный трест Наркомата нефти, впервые начавшего поиски нефти в Западной Сибири.

Начиная с 1943 года под руководством В.А. Хахлова осуществлялась геологическая съемка масштаба 1:1 000 000 значительной части территории Западно-Сибирской равнины, в которой наряду с сотрудниками факультета принимали активное участие и студенты-геологи ТГУ. Совместно с Л.А. Рагозиным В.А. Хахловым были составлены государственная геологическая карта этой части территории (лист О-45) и объяснительная записка к ней, опубликованная в 1949 году.

В те же годы В.А. занимался выявлением минерально-сырьевой базы на территории Томской

области. Во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов им изучались стратиграфия и флора тунгусской серии Норильского угленосного бассейна. Тогда же он разработал стратиграфическую схему, реализующую новую методику подсчета запасов угля в отдельных месторождениях на основе данных палеоботаники.

Помимо этого в разные годы В.А. консультировал Красноярское и Кемеровское геологические управления и трест «Кузбассуглегеология», Норильский металлургический комбинат, Томскую комплексную экспедицию и др.

Вместе с академиком М.А. Усовым он оказал большое влияние на развитие и формирование сибирской школы геологов. Являлся одним из крупнейших в СССР ученых-палеоботаников^{***} и стратиграфов континентальных отложений.

В.А. Хахлов – основатель томской школы палеонтологов и геологов-стратиграфов. Среди его учеников профессора А.Р. Ананьев, А.А. Ларищев, Н.К. Ившин, Л.А. Рагозин, В.А. Ивания, И.А. Вылцан, В.М. Подобина, доценты М.В. Горбунов, Д.А. Васильев и др.

Им было опубликовано более 150 научных работ в области палеонтологии, стратиграфии и геологии, высоко оцененных не только в нашей стране, но и за рубежом. В.А. подготовил большое количество специалистов-геологов, в том числе кандидатов и докторов наук.

В.А. – участник многих всесоюзных научных съездов и совещаний, XVII международного геологического конгресса (1937).

С апреля 1944 года он по совместительству работал в Западно-Сибирском филиале АН СССР. Руководил издательской деятельностью университета, являясь ответственным секретарем и главным редактором «Трудов ТГУ», членом редакционно-издательского совета.

В 1947 году в соответствии с постановлением СНК и решением ученого совета ТГУ ему присуждена премия за научно-исследовательскую работу «Проблема геотектонической жизни Кузбасса на основании стратиграфического анализа», а в 1964 году – первая премия ТГУ за научную работу. В 1967 году он был удостоен диплома I степени имени академика В.А. Обручева.

В.А. Хахлов принимал участие в составлении «Атласа Томской области» (1969).

Начиная с 1920-х годов В.А. постоянно читал популярные лекции («История Земли», «История развития органического мира», «Причины вымирания животных в геологическом прошлом»), некоторое время был ответственным редактором Томского областного лекционного бюро.

В.А. Хахлов – организатор (1950) и в течение длительного времени председатель геолого-

географической секции областной организации Всесоюзного общества «Знание».

С 1 марта 1929 года В.А. Хахлов – действительный член Русского палеонтологического общества при АН СССР; председатель палеонтологической секции Томского отделения Московского общества испытателей природы.

В.А. входил в научный совет при Томском облисполкоме. Был председателем межвузовского совета по присуждению ученых степеней и званий по горным, геолого-минералогическим, географическим и техническим наукам. Ряд лет он состоял председателем экспертной комиссии по геологии Западно-Сибирского научно-технического совета Министерства высшего образования. Заслуженный деятель науки РСФСР (1960).

* * *

В.А. Хахлов был необычайно эрудирован и высококультурен, обладал природным обаянием, тактом и расположенностью к людям. Он хорошо знал английский и немецкий языки, читал на французском, разбирался в латыни. Работал всегда самозабвенно и с большой отдачей.

В голодные годы гражданской войны В.А. научился шить обувь, что спасало от нужды его самого и его молодую жену, Тамару Алексеевну (1896–1971), окончившую Сибирские высшие женские курсы. Впоследствии вместе с нею В.А. шил и вышивал на швейной машине скатерти и шторы.

Он тонко и глубоко знал и ценил музыку и живопись, обладал приятным лирическим тенором и с удовольствием пел старинные русские романсы под аккомпанемент своего друга профессора Г.Г. Григора, обнаруживая прекрасный вкус в выборе репертуара.

В.А. неплохо рисовал маслом сибирскую природу и цветы; его картины, реалистичные и оптимистичные по содержанию, передавали его видение сибирской природы. Они неоднократно выставлялись в залах Томска, В.А. охотно дарил их своим друзьям и коллегам.

Он увлекался выращиванием в открытом грунте многих сортов роз, томатов и других культурных растений, посвятив им специальные исследования. Во дворе дома (ул. Никитина, 24), где проживала семья Хахловых до 1957 года, им был создан питомник роз.

Вместе с сыном Вадимом В.А. нередко ремонтировал дом, в котором можно было видеть любимых им певчих птиц, особенно щеглов.

Старший сын В.А. – Борис (1921–1942) пропал без вести в ходе боев под Москвой, будучи командиром роты. Младший – Вадим (1926–

1991) принимал участие в войне, был ранен, окончил в 1950 году ТГУ, работал старшим геологом в Тресте строительных материалов; после окончания аспирантуры защитил диссертацию на

соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук и работал ассистентом, затем доцентом на кафедре петрографии ГГФ ТГУ.

Примечания

* Как отмечает исследователь «красноярского дела» Л.П. Беляков, «начавшееся с поиска «виновных» в отсутствии в Красноярском крае месторождений урана <...>, оно приобрело характер масштабной репрессивной акции, направленной против «вредительства», «шпионажа», «контрреволюционной деятельности» в геологическом ведомстве.

В марте – июне 1949 года в Ленинграде, Москве, Красноярске, Томске и других городах страны было арестовано «за участие в антисоветской группе» около тридцати геологов, в числе которых были известные ученые и преподаватели, крупные специалисты, работники Министерства геологии. В Москве были арестованы чл.-кор. АН СССР А.Г. Вологдин, директор ГИНа академик АН СССР И.Ф. Григорьев, референт министерства геологии М.И. Гуревич, председатель техсовета Мингео проф. В.М. Крейтер, сотрудник Мингео Меерсон, гл. геолог Тувинской экспедиции Ю.М. Шейнманн; в Ленинграде – научные сотрудники ВСЕГЕИ В.Н. Верещагин, В.Н. Доминиковский, Б.К. Лихарев и Я.С. Эдельштейн, профессора В.К. Котульский и М.М. Тетяев; в Томске – профессора и преподаватели университета и Политехнического института И.К. Баженов, А.Я. Бульников, М.И. Кучин, Н.Е. Мартыанов, В.Д. Томашпольская, В.А. Хахлов, Ф.Н. Шахов; в Иркутске – преподаватель Горно-металлургического ин-та Л.И. Шаманский. Были арестованы академик АН КазССР М.П. Русаков, нач. экспедиции Западно-Сибирского ГУ Б.Ф. Сперанский, гл. инженер треста «Запсибцветметразведка» К.С. Филатов и большая группа геологов из Красноярска: В.В. Богацкий, Н.Я. Коган, Ю.Ф. Погона-Стефанович, О.К. Полетаева, А.А. Предтеченский, Н.Ф. Рябконов, Г.М. Скуратов. В число арестованных попал и академик АН СССР химик-органик А.А. Баландин <...>.

Позднее были арестованы «за вредительство в области геологии» еще два работника Мингео СССР, осужденные 7 февраля 1951 года, спустя несколько месяцев после вынесения основного приговора, – зав. бюро рационализации и изобретательства Я.М. Ром (13 октября 1949 года) и ст. инженер Центрального конструкторского бюро Н.А. Орлов.

С «красноярским делом», вероятно, были связаны аресты и других специалистов: доктора технических наук В.В. Налимова, осужденного к ссылке 20 апреля 1949 года, геолога Г.К. Кондратьева, сотрудников Красноярского ГУ С.С. Кудрявцева и С.С. Лайкевича.

Арестованных поездами и самолетами доставляли в Москву на Лубянку, где проводилось следствие, и помещали в камеры-одиночки <...>.

Обвиняемых по «красноярскому делу» на суд не выводили. Почти через месяц после суда им объявили, что они осуждены ОСО МГБ СССР 28 октября 1950 года за «неправильную оценку и заведомое сокрытие месторождений полезных ископаемых, вредительство, шпионаж, контрреволюционную агитацию» <...> и приговорены к различным срокам заключения в ИТЛ (вплоть до 25 лет) с конфискацией имущества

и поражением в правах на 5 лет. Часть приговоренных, не выдержав истязаний, не дожидая суда <...>.

«Вредители», получившие огромные сроки, были этапированы на геологические объекты ГУЛАГа, в основном в так называемые «шарашки», где велась разработка и урановой тематики: в Красноярск (ОТБ-1 «Енисейскстроя») и Магадан (Северная КТЭ №8), а также в Норильлаг, на Воркуту, в Мариинские лагеря³.

** Выходец из «социально чуждой среды» и бывший белогвардейский офицер В.А. Хахлов попал в поле зрения карательных органов советской власти еще в 1919 году, когда им занимался «особый отдел» 5-й армии. Остается невыясненным, как ему удалось не только избежать репрессий, но «быть откомандированным в ТТИ для продолжения учебы». Восстановление советской власти в Сибири было еще более кровавым, чем ее первоначальное установление. В борьбе с большевиками было широко развито добровольчество, в том числе, среди офицеров бывшей царской армии. Поэтому после победы большевиков многим из них это стоило жизни.

Не совсем понятно и то, каким образом с «классово-чуждым» социальным происхождением, белогвардейским пятном в биографии и наличием брата-эмигранта В.А. мог делать успешную карьеру в сфере советского образования, став уже в 1920-х годах членом президиума факультета, заместителем декана физико-математического факультета (1925–1928), председателем геолого-минералогической предметной комиссии, секретарем факультета (1927–1928), председателем производственной комиссии по геолого-географическому отделению (1930) и и.о. заведующего указанного отделения.

Симптоматично, что фигура В.А. Хахлова вызывала сомнения в политической благонадежности у членов бюро ячейки ВКП(б) Томского университета. В Интернете опубликован документ: решение этих ответственных товарищей в связи с вопросом о назначении В.А. Хахлова на должность профессора. Вот он:

«Из протокола заседания ячейки ВКП(б) ТГУ о профессоре В.А. Хахлове.

29 января 1929 г.

Протокол №6 Заседания бюро коллектива ВКП(б) при Томском государственном университете, состоявшегося 29 января 1929 г.

Присутствуют члены бюро: Савченко, Лейкин, Кузнецов, Чернева, Дмитриев, Иванников, Колушов. Канديدаты: Моисейчик. Актив: Иванов-Незнамов, Шелаев, Никонов, Ибрагимов, Залесский, Янушевич, Тумашева, Субботина, Серебренникова, Солонинкин, Селезнева, Барабанчик, Юдкина, Батин, Акулов и Валеев.

³ Беляков Л.П. «Красноярское дело» // Репрессированные геологи. Изд. 3, испр. и доп. – М.; СПб., 1999. – С. 422–427.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

<...>

2) О деле профессора Хахлова.

СЛУШАЛИ: О деле профессора Хахлова (Савченко).

Как информировал Вас Лейкин на фракции, профессор Хахлов совершенно не удовлетворяет преподаванию, низкий академик, политически вредный. В прошлом году вопрос стоял остро. Разрешить не пришлось, так как ситуации не было в правлении и с ОК ВКП(б) не было договоренности. Теперь опять всплывает вопрос о Хахлове. Весной комиссия его работу обследовала и подтвердила факты его авторитета. Вопрос стоял на вузовском совещании по согласованию с Вихоревым и решили этот вопрос двигать. В ОК ВКП(б) установилась линия более или менее осторожная. Ревердатто ведет тонкую и осторожную политику. Хахлова нужно провалить, Савичев говорит о том, что мы должны улучшить кафедру даже и в связи с тем, если б вышел кто-либо в отставку. Теперь создается определенное понимание в мозгах работников ОК ВКП(б). Савичев мотивировал свою позицию тем, что Хахлов должен быть такой же, т.е. делать все так, чтобы улучшить работу кафедры, но не останавливаться перед тем, что Хахлов подаст в отставку. Я думаю, что нам нужно сделать в этом вопросе определенность.

Колушев: «Хахлов организовал студенчество, чуждое нам, вел все время политику против нас. Научная ценность его известна всем. Если научные сотрудники говорят о нем как о человеке науки без определенной ценности, то говорить здесь не приходится. Ревердатто струсил в нужный момент, а ранее решал и говорил другую политику. Фигура Хахлова известна всем, и нужно действовать решительно».

Шалеев: «Ревердатто согласился сначала, а затем отказался. Отнесся критически. Он ставил этот вопрос определенно раньше, а теперь отступает. В последнем своем заявлении он сказал, что студенчество в этом вопросе сделало ляпсус. Надо добиваться решения этого вопроса в нашу пользу».

Лейкин: «Фронт ослаблять нельзя. Провести его по всем швам хорошо».

Пост.: Поручить тов. Савченко, Лейкину доложить об установке ячейки в этом вопросе ОК ВКП(б) и согласовать с ним вопрос о проведении в жизнь вопроса о провале профессора Хахлова.

Председатель Лейкин
Секретарь Перякин».

Интересно, в свете негативной позиции тт. Савченко и Лейкина, что обком ВКП(б) кандидатуру В.А. Хахлова, очевидно, поддержал, поскольку тот был не только назначен профессором, но продолжил успешную карьеру. Неясно, сыграли ли роль в этом назначении компетентные органы.

Как бы там ни было, через несколько лет судьба В.А. Хахлова вновь оказывается в руках чекистов. На сей раз они расследуют (точнее, фальсифицируют) дело о контрреволюционно-монархической организации «Союз спасения России», якобы готовившей на конец 1937 года вооруженное восстание против советской власти в Томске⁴.

23 мая 1937 года чекистами был арестован Г.В. Лампе, преподаватель английского языка, который на

допросе назвал в числе известных ему членов «Союза спасения...» профессора ТГУ В.А. Хахлова⁵.

4 октября того же года аресту подвергся Г.В. Трапезников, профессор кафедры сопротивления материалов при Томском индустриальном институте, служивший в годы гражданской войны в колчаковской армии.

11 октября 1937 года он показал на допросе, что в 1928–1929 годах при Томском университете и Индустриальном институте профессором ТГУ В.А. Хахловым была создана вредительская группа в составе Хахлова, профессора Усова, профессора ТГУ Кузнецова, профессора ТПИ Калишева, ассистентов Левина, Арановича, Горсунова, Николаева, Филимонова, Мурзина и самого Трапезникова. К началу 1936 года эта группа распалась, а ее участники разъехались. А далее в показаниях Трапезникова записано, что в 1936 году именно В.А. Хахлов вовлек его в контрреволюционную монархическую организацию⁶.

И вновь меч большевистского «правосудия» не сверкнул над головой В.А. Хахлова. Если приведенная информация верна, она, как минимум, наводит на размышления. Например, почему на пике волны репрессий «органы» проявляют не просто «снисходительность», а явно попустительствуют успешной карьере организатора вредительской группы и чуть ли не вооруженного мятежа в Томске? Ведь в эти годы В.А. Хахлов не только остается завкафедрой и деканом геолого-почвенно-географического факультета. 29 июня 1938 года В.А. ему торжественно присуждают степень доктора геолого-минералогических наук без защиты диссертации. А в недоброй памяти 1937-м он участвует в Международном геологическом конгрессе.

Наконец, 1949 год и арест по «красноярскому делу». Здесь тоже многое хотелось бы прояснить. Например, согласно публикуемой биографической справке, В.А. Хахлов, осужденный ОСО 28 октября 1950 года и, насколько известно, во время следствия сидевший во внутренней тюрьме на Лубянке, конец 1950-го года провел на общих работах (рытье котлована, расчистка подъездных путей от снега) в Норильском лагере. Но там же можно прочитать, что В.А. Хахлов – «организатор (1950) <...> геолого-географической секции областной организации Всесоюзного общества «Знание». Возможно, здесь вкралась ошибка. Трудно представить, каким образом можно организовать секцию общества «Знание» в Томске, занимаясь рытьем котлована в Норильске.

Роль В.А. Хахлова в «красноярском деле» нуждается в изучении. В воспоминаниях проходившего по делу академика АН КазССР М.П. Русакова говорится, что следствие располагало некими «невесты откуда взятыми агентурными данными»⁷. Ясно, однако, что информацию о «вредительстве» в высоких геологических кругах мог предоставить только человек, достаточно

⁵ См. указанную в предыдущей сноске книгу Л.Пичурина, с. 64

⁶ Справка следственного отдела Управления КГБ Томской области по архивно-следственному делу №5557 профессора А.П. Калишева от 20 ноября 1957 года. Электронная копия справки выложена в Интернете.

⁷ Беляков Л.П. «Красноярское дело» // Репрессированные геологи. Изд. 3, испр. и доп. – М.;СПб., 1999. – С. 422–427.

⁴ О том, как шло это «расследование», можно представить себе по книге: Пичурин Л. Последние дни Николая Клюева. – Томск: Водолей, 1995. – 96 с.

хорошо с этими кругами и их деятельностью знакомый. Однако вряд ли мы об этом когда-нибудь узнаем: агентурная сеть – один из самых закрытых и охраняемых аспектов деятельности любой спецслужбы.

Представляется красноречивым и то обстоятельство, что после освобождения В.А. Хахлову немедленно вернули прежние должности и дали «зеленый свет» его активной научной, преподавательской и организаторской деятельности. Причем пожизненно и бесповоротно. Многие ли незаконно репрессированные могут похвалиться такой заботой советских властей?

*** Такая оценка палеоботанических работ В.А. Хахлова неоспорна. Некоторые крупнейшие отечественные палеоботаники палеозоя, такие, как, например, М.Ф. Нейбург (1894–1962) и ее ученик С.В. Мейен (1935–1987), придерживались иного мнения. «С ним (В.А. Хахловым. – *Ред.*) М.Ф. вообще не считалась, – вспоминал С.В. Мейен, – не принимала его всерьез. В общем опубликованные работы Хахлова действительно производят тяжелое впечатление. Большой легковесности трудно себе представить. Правда, я не думаю, что конкретная деятельность Хахлова заслуживает столь же низкой оценки. Мне уже приходилось писать о том, что именно Хахлов еще раньше, чем М.Ф., расшифровал смещение юры и перми в Кузбассе, которое называли «ошибкой века». О роли Хахлова и Л.М. Шорохова в решении этой проблемы М.Ф. мне никогда не говорила, хотя у меня есть достаточно оснований считать, что именно результаты работ этих томских геологов побудили Нейбург обратиться к Кузбассу. М.Ф. фактически повторила, хотя и лучше обосновала, их вывод, но считала его почему-то своей заслугой (о сути дела см. «Следы трав индейских», с. 61–62)»⁸.

«С В.А. Хахловым, – пишет С.В. в другой работе, – у М.Ф. Нейбург вообще почти не было деловых от-

ношений. <...> Однако нельзя отнять у него конкретных стратиграфических заслуг, особенно в отношении Кузнецкого и Норильского бассейнов. Нельзя забывать и того, что благодаря В.А. Хахлову в палеоботанику пришли А.Р. Ананьев, С.Г. Горелова, С.В. Сухов и другие палеоботаники, которым принадлежат важные и интересные исследования»⁹.

К очевидным недостаткам своих палеоботанических работ В.А. Хахлов относился легко. По рассказам С.В. Мейена одному из авторов настоящих примечаний, на критику В.А. с улыбкой отвечал: «И не такие ошибки делали!»

По версии С.В. Мейена, роль В.А. Хахлова в исправлении «ошибки века» была следующей. «Томский геолог Л.М. Шорохов, – писал он, – в 1927 году обследовал территорию Кузбасса в поисках строительного и флюсового сырья для Кузнецкого металлургического комбината. Младшим рабочим в его партии был Д.П. Славнин, позже писавший в биографии Шорохова: «Попутно с выполнением основного задания Л.М. Шорохов собирал ископаемую фауну и флору для пополнения коллекций и создания обменного фонда геологического кабинета... Сам Л.М. Шорохов занимался главным образом сбором ископаемых растений. Его интересовал вопрос о существовании мезозойских отложений в Кузбассе».

Л.М. Шорохов передал собранные им коллекции на определение своему земляку, палеоботанику В.А. Хахлову, который подтвердил, что юрские и палеозойские растения приурочены к разным слоям. Статья В.А. Хахлова вышла в 1928 году. В том же году в Кузбасс приехала М.Ф. Нейбург, работавшая в Геологическом музее АН СССР. Она стала собирать отпечатки и тщательно отмечать слои, в которых найден тот или иной вид. Выводы Шорохова и Хахлова подтвердились, и ангарская флора окончательно отошла к палеозою»¹⁰.

⁸ Мейен С.В. М.Ф. Нейбург (заметки ученика) // Материалы симпозиума, посвященного памяти Сергея Викторовича Мейена (1935–1987). Москва, 25–26 декабря 2000 г. – М.: ГЕОС, 2001. – С. 254.

⁹ Мейен С.В. М.Ф. Нейбург – 40 лет служения «малой науке» // *Lethaea rossica*. Российский палеоботанический журнал. – 2009. – Т. 1. – С. 68.

¹⁰ Мейен С.В. Следы трав индейских. – М.: Мысль, 1981. – С. 62.